

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Новикова Монтерде

IN MEMORIAM: ISABEL DE MADARIAGA

Люди смертны, и каждому приходит свой час. Эта вечная мудрость кажется, тем не менее, неубедительной, если речь идет о людях такого масштаба, как Исабель де Мадариага, милая наша Лолита, как называли ее друзья. И сердце, и разум сопротивляются вести о том, что ее больше нет, что она ушла от нас навсегда. Сколько людей нашего круга сейчас горюют о том, что иссяк источник вдохновения, замолчал неповторимый голос, ушел блестящий исследователь, острый и точный ум, талантливый учитель, неизменно доброжелательный и верный друг, очаровательная и в старости женщина...

Одной из самых известных книг, написанных Исабель де Мадариага, была ее монография об императрице Екатерине Великой. При личном знакомстве с Исабель меня поразило, до какой степени она сама была похожа на образ Екатерины, созданный Пушкиным в «Капитанской дочке»: были в ней и царственность, и величественность, и благородство, и очаровательная любезность, и активная, действенная благожелательность к людям.

Исабель де Мадариага получила великолепное образование и свободно владела всеми основными языками Европы. В детстве во Франции и в юности в отеческом доме в Женеве (ее отец Сальвадор де Мадариага был представителем Испании в Лиге Наций) Исабель встречала знаменитых людей из мира политики и искусства. Среди знакомых ее отца были дипломат и большевик Максим Литвинов, композитор Морис Равель, философ Мигель де Унамуно. Там же, в Женеве, родилось ее увлечение Россией — ее тетки зачитывались русской классикой, отец приводил ее в русскую церковь слушать пение хора. Политик, дипломат, эссеист и пацифист Сальвадор де Мадариага надеялся, что дочь станет одной из первых в Испании женщин-дипломатов. Гражданская война в Испании положила конец этим планам. Сальвадор де Мадариага был приговорен к смертной казни диктатором Франсиско Франко и был вынужден бежать со своей семьей в Великобританию. Жизнь в изгнании, без всякой надежды на возвращение, заставила Исабель искать других дорог в жизни. Хорошо, что она выбрала дорогу историка. Но политический либерализм отца, парадоксальный, поэтический стиль его прозы, его рассказы о работе в Лиге Наций оказали на Исабель большое влияние. Знание, полученное ей из первых рук, о «человеческом факторе» в политике — о влиянии личности государственного деятеля на исход политики — предопределили ее равнодушие к институтам, тенденциям и прочим неодушевленным объектам, которым приписываются намерения, и интерес к личности правителя. Не случайно в книгах Исабель де Мадариага исторические проблемы исследуются на материале истории жизни конкретных людей людей: Дмитрия Голицына, Екатерины Великой, Потемкина, Ивана Грозного. Моя память хранит разговоры, горячие обсуждения других и личностей русской истории: Бориса Годунова, Петра Первого, Ивана Шувалова, и уже советского времени — Максима Литвинова, с которым были знакомы родители Исабель.

В отличие от многих историков, Исабель умела проводить различие между «намерениями правителя и иногда неожиданным результатом его политики» и с неудовольствием относилась к втискиванию исторической реальности в прокрустово ложе теорий, или, как она говорила, «слишком большой интерпретации небольшого количества фактов».

Меня всегда восхищали неортодоксальность ее взгляда и великолепная свобода от политически правильных установок эпохи. В момент, когда в сотнях книг и тысячах статей провозглашалась новая религия представительной демократии как окончательного лекарства от всех болезней человечества, Исабель анализировала гражданские права в абсолютной монархии Екатерины Великой и напоминала, что

«не стоит забывать о том, что либеральные демократии регулярно приостанавливали действие гражданских прав... Если суверенный парламент демократии того пожелает, то он может проявить такой же произвол, как абсолютный монарх». Позже, когда некоторые историки попытались найти в истории оправдания новых проектов развития Восточной Европы, Исабель де Мадариага упорно настаивала на использовании аутентичных терминов и точности исторического описания: «Я не верю в то, что можно проектировать сегодняшний день в прошлое без искажения этого прошлого. Россияне, жившие в XVI веке, не знали, что четыре столетия спустя Украина будет независимым государством, а Киев его столицей; не знали они и того, что Россия завоюет, а потом потеряет Крым».

Вдохновляла ее настроенность рассматривать историю России в кругу истории других европейских стран. Эта готовность заставила ее искать и найти соответствие в тюдоровской Англии, казалось бы, такому типично русскому понятию, как «круговая порука», — *frankpledge*, и уточнить, что речь идет о типичном способе организации власти в условиях, когда государство еще недостаточно развито, и что в той или иной форме круговая порука существовала во многих европейских государствах. Эта же готовность толкнула ее сравнивать русское понятие «чести» во времена Ивана Грозного с испанским понятием «*honor*» или находить точный перевод прозвища Ивана IV — не *Ivan the Terrible*, говорила Исабель, а *Ivan the Awesome*, ибо *awe*, священный ужас перед величественным, был куда более точным переводом древнерусской «грозы» как необходимого качества правителя.

Исабель де Мадариага за свою долгую жизнь опубликовала пять книг. Первая из них — монография «*Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780: Sir James Harris's Mission to St Petersburg during the American Revolution*» (1962). Монография основана на обширных исследованиях в британских архивах и потребовала от автора точных знаний не только о хитросплетениях европейской династической дипломатии того времени, но и тонкостей морского права эпохи. Важным достижением исследования стало воссоздание контекста, в котором происходило взаимодействие политических культур России Екатерины, которая только начинала свой путь как европейской державы, и «Владычицы морей», борющейся за гегемонию в мире. Классический труд Исабель де Мадариага «Россия в эпоху Екатерины Великой» («*Russia in the Age of Catherine the Great*») (1981) был следующей ее книгой, которая стала переломной вехой в западных исследованиях и, по словам современного английского ученого Джанет Харлей, «до сих пор является лучшим анализом социальной, экономической, институциональной и дипломатической истории России во второй половине XVIII столетия»¹. Жизнь Екатерины Великой, которая, по словам Исабель, превратилась для нее за годы работы в «близкую подругу», стала темой другой книги «Екатерина Великая: краткая история» («*Catherine the Great: A Short History*») (1990). В 1998 г. вышел сборник статей Исабель под названием «Политика и культура в России XVIII столетия» («*Politics and Culture in Eighteenth-Century Russia*»). Разумеется, это не все ее работы по русской истории. Помню, мне довелось прочитать очень интересную ее статью о влиянии испанской политики на становление политической философии декабристов (отец братьев Муравьевых-Апостолов был посланником России в Испании и имел немалое влияние на мадридский двор). Статья была опубликована в журнале «*Government and Opposition*», одним из издателей которого была Исабель. Наконец, в 2005 г. был издан ее большой труд об Иване Грозном — «*Ivan the Terrible*». Как и в ее книгах о Екатерине Великой, Исабель де Мадариага стремилась воссоздать реальные события жизни и правления Ивана Грозного, очистив их от неточных свидетельств и пропагандистских утверждений. Помню, как при работе над книгой она высказывала предположение, что рассказ одного из немецких современников о зверствах Ивана — поругании знатных женщин и травлении их, нагих, собаками — почти точно воспроизводит изображенное на картине Алессандро Боттичелли «Пир в сосновом лесу» и, вероятно, основан больше на ренессансных эротических фантазиях, чем на реальном событии.

История, которую писала Исабель де Мадариага, была «службой понимания» человечества, по выражению Сергея Сергеевича Аверинцева, «службой понимания» народов Европы. История в понимании Исабель была важным инструментом для того, чтобы развеять предубеждения, объяснить непонятое и покончить с ненавистью. Для этого она умела включить в свой личный инструментальный исследователь, воспитанного в западной традиции мысли, ментальные схемы и понятия культуры, которой она занималась. Во вступлении к одной из своих книг она говорит: «Я попыталась написать историю Ивана IV, как будто находясь в Москве и смотря поверх стен Кремля в направлении другой части Европы... Подобная позиция позволяет избежать поверхностных суждений и уловить, что произошло в России в русских терминах, почувствовать полностью ее трагедию». И это были не пустые слова. Она действительно умела встать на точку зрения другого, вступить в диалог с другой культурой.

За пределами моего текста остается огромная роль Исабель как организатора живых обсуждений по истории, рабочих исследовательских групп, популяризатора российской истории. Ее помощь другим историкам была щедрой и горячей. Благодарную память об этом хранят многие из нас.

Закончу так, как и начала: и сердце, и разум сопротивляются потере Исабель де Мадариага. Ее уход оставил пустоту, которую трудно, даже невозможно, заполнить.

